

ХУДОЖНИК
КНИГА

Только что небольшим тиражом вышла книга о художнике Афанасии Куликове, написанная его правнуком Дмитрием Бакатиным.

Дарья АКИМОВА

Афанасий Куликов — первооткрыватель советского лубка, картинок на тему вроде «Я Калинина люблю даже без стеснения и по радио пошлю ему объяснение» или «Сдавайте яйца кооперативному корзинщику». Куликовский лубок, однако, принципиально отличался от агитплаката. Не только добротой, но и адресатом: он оставался не рабоче-пролетарским, а крестьянским.

Судьба самого Куликова — почти что агитплакат в защиту «старорежимной» власти. Царской то есть. Бедный деревенский мальчик из Калужской губернии, который в девятисотых годах голодал и читал пропагандистскую социалистическую литературу, выучился на «богомаза» в иконописной мастерской и на художника в московском училище живописи, ваяния и зодчества. Занимался в классе у Коровина и Сурикова, а диплома не получил только из-за «неверия в свои силы написать картину натурреалистического направления». Расписывал московские храмы. Творил иконы. Его Богоматерь Умиление 1910 года могла бы стать синонимом слова «подлинность». Его имя у подрядчиков без натяжки стало синонимом старинного слова «авторитет».

Куликов и не думал, что натурреализма в живописи спустя пару десятилетий после 1917-го только прибавится. Что дочь Катю будет трудно устроить в восьмой класс гимназии (пришлось доказывать, что дети творческих ра-

АФАНАСИЙ КУЛИКОВ,
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИКОНОПИСЕЦ

ботников приравнены к детям пролетариев). Что в творческой командировке в совхозе имени Крупской он так и не сумеет найти «сюжеты, возбуждающие энтузиазм социалистической

стройки». Что его живописные работы вкупе с другими картинами на выставке Союза художников 1930-го года назовут «вульгарно-импрессионистическим сексуализмом».

Сексуализмом, собственно, у Куликова и не пахло. Была другая крамола — следование иконописным «гнилым» традициям. Еще Куликов любил острить. Всесильному своему заказчику генералу Ефиму Шаденко в ответ на предложение написать серию героев революции отвечал: конечно, можно. Даже — на досках и под лак (то есть как икону).

Пришлось «извиняться». Писал портреты Сталина. А потом — отказался от легендарной роскошной мастерской покойного М. Б. Грекова: выслуживать материальные блага он не любил.

Написал объяснительную в НКВД на запрос вроде «где вы, житель Малоярославца, были во время фашистской оккупации?»: «Армия, к прискорбию моему, отступала несомненно, хотя местные представители партии и командиры полка уверяли в противном, распространяли слух, что немцы отступили за Смоленск на 160 км, а сами же в это время отправляли своих жен и семьи по особым пропускам, с эшелонами по железной дороге... Мои семейные ушли в деревню к родным — «вместе помирать». Расправы не последовало.

Под конец жизни Куликов расписывал Елоховский собор в Москве. Поднял на ноги огромную семью. Оставил множество «интеллигентских» автопортретов («В шляпе»). И в общем — просто жил, не особенно заботясь о славе и политике. Имя его, как и полагается имени народного художника, почти забыли. Вспомнили — спустя десятилетия.

Афанасий Куликов.
Восьмое марта.
Эскиз плаката
1923 год